

Книга судеб

Глеб Шульпяков. Сибирский голландец. Эссе

Глеб Шульняков

СИБИРСКИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

Все свободное время в этом городе я сижу под колоннадой Драмтеатра. Отсюда лучший вид на фонтан и центральную площадь, к тому же ничто так не примиряет с одиночеством, как классический портик.

После Кемерово я знаю это точно.

Центр города казарменно чист. Глядя на цветы и вывески и на модельного вида девушек, невозможно поверить, что в пяти остановках отсюда лежат сумеречные, коматозные окраины шахтерского города. А здесь все опрятно и ухожено. Стоит пешеходу подойти к «зебре», как трафик замирает и слышно музыку в городских динамиках. У фонтана целуются свадебные пары. Рядом на травке парень в наколках учит пацанов блокировать удар ножом:

— Раз! Два! — показывает. — И по почкам, по почкам.

Над площадью в небе завис стервятник. Перспективу бульвара, выходящего на набережную (они почему-то называют бульвар улицей), замыкает высокий берег Томи. По берегу тянется густой бор. Это клин Барзасской тайги, чудом въехавший в город и в городе сохранившийся. Хотя, говорят, скоро и его нарежут под коттеджи.

Первый раз я приехал в Кемерово в мае на фестиваль поэзии. В один из дней полагалась экскурсия, так мы очутились на правом берегу, где знаменитая Красная Горка и откуда пошла история Кузнецкого бассейна.

Теперь здесь прекрасный музей этого дела. Он стоит на берегу с видом на завод и город. Экскурсия подробна и обстоятельна. «Копикуз», шахты, Императорский Кабинет и что такое коксующийся уголь — все интересно и ново. И вот между разговоров о пластах и разрезах и подземных конюшнях со слепыми лошадьми я слышу историю об архитекторе. И цепляюсь за нее, запоминаю.

Тем более что его домики стоят тут же, над обрывом.

Преамбула у этой истории запутанна, но показательна — для коротко мелькнувшей эпохи начала 20-х, когда в России сталкивались судьбы, чье пересечение в другое время было непредставимо. «Кемеровский роман» Йоханнеса ван Лохема начался в 1926 году, когда голландский архитектор-модернист приехал на рудник. В Сибирь его пригласил голландский же инженер-социалист Себальд Рутгерс, автор реконструкции роттердамского порта, строитель мостов и дорог в Ост-Индии, член ВКП(б) и вообще большой друг советской власти.

Рутгерс вот уже несколько лет руководил на руднике Автономной индустриальной колонией (АИК «Кузбасс»). Ее составляли иностранцы, приехавшие со всего света поработать на шахтах. Предполагалось, что АИК станет первой в системе интернациональных колоний Сибири, способных быстро поднять промышленность разоренного региона — с последующей передачей производства государству за «пролетарское спасибо». Залогом успеха новой колонизации должно было стать стопроцентно рабочее самоуправление плюс налоговые льготы. Так оно, в сущности, и вышло — с той поправкой, что АИК стала и первой, и последней колонией в истории «нового покорения Сибири».

Ее проект (идеологом которого и был Рутгерс) еще в 1921 году Ленину представил американец Билл Хейвуд, лидер движения индустриальных рабочих мира IWW («уобли», как их называли) — или Биг Билл, бежавший в Россию из американской тюрьмы прямо на съезд Профинтерна. И тоже большой друг пролетарского государства.

Суть колонизации была по-голландски функциональна и по-ленински баснословна. Заключалась она в том, чтобы высадить в Кузбассе квалифицированных рабочих из числа нанятых на Западе — под идею свободного труда, которой тогда бредили миллионы по всему миру. Вы мечтали о солидарности? Хотели социального равенства и самоуправления? Добро пожаловать в Кемерово, взнос по контракту триста долларов, с собой иметь питание и вещи сроком на два года.

Под патронажем СТО и лично Ленина дело поставили с размахом. Офисы по вербовке в АИК открылись в Берлине и Нью-Йорке, они даже запустили газету. В рекламных брошюрах жизнь в Куз-

бассе рисовали по всем правилам туристического бизнеса. Так захучанная сибирская деревенька Щегловск превратилась в «маленький индустриальный городок в самом сердце Сибири с широкими улицами, на которых стоят бревенчатые бунгало с электричеством и водопроводом».

Ставку делали на тех, кто когда-то иммигрировал в Америку из Российской Империи, то есть хотя бы отчасти знал, куда едет и с чем будет иметь дело. Но подтянулись и просто «мечтатели». В результате к 1922 году в сибирской глуши высадились, должны были выжить и поднять производство голландские инженеры, финские плотники, химики из Германии, лесорубы с Аляски, священники Новой Англии, учителя из Калифорнии, социалисты, коммунисты, члены Прогрессивной партии Ла Фоллет, женщина-дантист Франс Схермеркорн и даже один диетолог.

Не говоря о женах, детях, домашних растениях и животных.

Именно для этих людей, приехавших за тысячи верст на пустое сибирское место, молодой архитектор Йоханнес ван Лохем, представитель новейших архитектурных течений Европы, и приезжает строить рабочий поселок. С последующей передачей жилья в руки советских рабочих.

Чем дальше я погружаюсь в эту историю, тем интереснее мотивы. Почему? Ведь никакого материального интереса у них не было. Не на заработки они ехали, не ради экзотики бросали небогатые, но свои, насиженные места.

Из Америки через Петроград по разоренной стране. Женщины в тонких чулках и пальтишках, шляпках. Мужчины в твидовых костюмах, галстуках и котелках — по рабочей моде. И вот они высаживаются в сибирской глухомани. Где им, говоря откровенно, не особенно рады. Как это представить — сейчас, спустя 90 лет? Жить в землянках и бараках после Бремена и Амстердама, Нью-Йорка и Монреаля. Самим вспахивать и засеять, чтобы не сдохнуть с голода, поскольку ленинские бумажки о содействии в этой дыре не действуют. Болеть оспой, тифом и пневмонией, от которых уже в первый год умерло несколько колонистов и одна девочка. Что их держало вместе — людей, у которых не только языки, но даже гастрономические пристрастия были разными? Что — кроме контракта?

Говорят, они верили в социализм и ехали в Сибирь на стройку автономной, без начальников, рабочей республики. Или просто бежали от преследований — как тот же Билл Хейвуд, которому надо же было чем-то заняться в Советской России. Инженеров гипнотизировала идея реализовать в Сибири проекты, свернутые в Европе из-за кризиса. Плюс «большое число всевозможных бунтарей, протестующих против американского общества, подающие надежды коммунисты, умудренные опытом социалисты, профсоюзные агитаторы, мечтатели, неудачники, неврастеники и просто искатели приключений», как скажет потом секретарь колонии и библиотекарь Рут Кеннел.

Нам, однако, важен акцент. Этот акцент — в том, что люди платили из своего кармана за одну только *возможность* воплотить идею. Ради химеры тащили через океан 38 тонн продовольствия, трактор «Фордзон» и даже инкубатор. Только для того, чтобы побыть собой, то есть тем, кто воплощает не чужие, а свои призраки в реальность. Именно эта простая и неотменимая внутри человека вещь — желание жить по своим, а не чужим химерам — двигала ими. Желание быть творцом, а не исполнителем. Художником, а не ремесленником. В тот короткий период реализовать подобную *иллюзию* было в России возможно.

«Сообщаю, что НКВД в виде исключения... разрешает выдачу визы голландцу Ван-Логгеу. НКВД возражает, однако, против систематического приглашения на постоянную работу голландцев, как граждан страны, не восстановившей нормальных отношений с СССР», — писал Рутгерсу заместитель Наркома иностранных дел Литвинов.

То есть Ван Лохем запрыгнул в поезд на ходу. Стал последним голландцем ленинской России — буквально. Он появился в АИКе спустя четыре года после основания, когда дело давно встало на рельсы. Эти мечтатели, исповедующие веру в коллективный рабочий разум, уже устали совещаться по каждому поводу — от обеденного меню до процента отчисления на детский сад или где строить ферму и баню. Да и главный глашатай этого дела, Билл Хейвуд, поостыл, стусебался. Они уже домечтались до того, что запустили огромный завод. Эти мечтатели вкалывали на шахте, причем свой труд они организовали так, что добывали стабильно больше русских, работавших на соседней шахте, но по-

советски. Что вызывало стабильное негодование молодой и прожорливой советской бюрократии.

А потом сменилась первая волна колонистов и приехала следующая. А некоторые осели — женились или повыходили замуж. Среди сибирского народца уже исчезла неприязнь к «этим иностранцам», от которых «у русского человека все несчастья». Уже сбежал в Москву Билл Хейвуд — поближе к кремлевским пайкам и чтобы впоследствии лечь в кремлевскую стену (первая урна от Мавзолея справа). Нерешенной оставалась только одна проблема, нормального жилья — нормального по голландским, а не по русским меркам. Поэтому в 1925 году, когда АИКу дали строительные льготы, решено было эту мечту — о «городе будущего» — воплотить.

Тут-то на сцене и появился Ван Лохем.

Мы гуляем по Красной Горке с архитектором Ириной Захаровой. Недавно вместе с голландцами, которым *есть дело* до Лохема в Сибири, она сделала обмеры *всех* сохранившихся зданий, издала книгу. И можно хотя бы на бумаге увидеть, что находилось на месте нынешних буераков.

— На чертежи времени не было, — она как будто оправдывается за Лохема. — Он просто осматривал местность — вон с той горки. А потом вбивал колышки, размечал — и запускал рабочих.

Мы толкаем калитку и проходим во двор-палисадник.

— Строительный сезон в Сибири ведь очень короткий. Есть кто дома? Можно?

Этот коттедж на несколько семей Лохем построил для управленцев колонии. Теперь здесь частное жилье, но, несмотря на советские переделки, «голландский почерк» читается по мансардам и переплетам рам. Тому, как вписаны в фасад трубы. Ну и внутренняя планировка, конечно — «изнутри наружу», его главный принцип.

Дверь открывает молодая женщина с девятимесячным животом.

— Мы на минуту, — говорит Ира. — Только посмотрим.

Та улыбается и пропускает внутрь.

Из прихожей дверь ведет в кухню, как принято в Европе. Что видеть в Сибири смешно и странно. Сквозной коридор на задний двор, где сарай и огород, и умопомрачительный вид на реку и за-

водской факел. На втором этаже нарезка из пяти комнат. Они маленькие, но *автономные*. Глядя на устройство квартиры, я понимаю, что в сознании Ван Лохема идея социального равенства и права на частное пространство друг другу не противоречили. И он это выразил, как умел, — через архитектуру.

В полукилометре от «элитного жилья» — рабочая «колбаса». В кустах и зарослях едва видно, *что осталось* от первого в России «блокированного жилья», когда в «колбасы» спарены два десятка домиков с индивидуальными входами в каждую квартирку. Метод давал экономию тепла и возможность пристраивать новые секции. Но сибирякам-рабочим, для которых жилье строилось, все это не слишком нравилось.

Как это — «жить через стенку с соседом»?

«Колбаса» примыкала к школе, доминанте комплекса. Ее здание даже в полуразрушенном виде производит впечатление редкой птицы. Голландия давно внесла ее в список значимых объектов своего архитектурного наследия за рубежом и выделяет средства на обследование. Что не спасает школу от медленного русского разрушения.

Когда я спрашиваю у местных, *что это*, мало кто может ответить вразумительно. Удивительно, но жители Кемерова в большинстве своем почти *ничего* не знают ни об АИКе, ни о том, какие дома их окружают на Красной Горке. Какая история случилась тут чуть меньше века назад. Раньше это незнание объяснялось тем, что при советской власти факт «иностранного присутствия» в Сибири замалчивался. Но сейчас? Когда для изучения наследия Ван Лохема устраиваются совместные с голландцами семинары и выставки? Когда есть проект музеификации всей территории Красной Горки с последующей реставрацией уцелевших объектов? Когда очень по духу русская, но вместе с тем мировая история АИКа и Ван Лохема, колонизации Сибири и вообще той эпохи, может превратиться из парадокса в эффектный туристический бренд?

— Эта башня по центру, она водонапорная. — Ирина показывает на школу. — Здесь было самое высокое на Горке место. Там внутри на сваях стоит котел, а справа спортзал. В коридоре были туалетные кабинки. Правда, от них Рабоче-крестьянская инспек-

ция сразу отказалась. По деревенским понятиям туалет в доме держать было негигиенично.

В основе архитектуры функционализма (в русском изводе это конструктивизм, конечно) лежит принцип «минимум средств — максимум удобства». В Сибири Ван Лохему пришлось иметь с этим дело буквально. Из-за нехватки кирпича он комбинировал его с деревом. Просто ставил на кирпичный этаж сибирские срубы, устраивая на первом этаже европейские эркеры. Вместо дефицитного кровельного железа покрывал строительной бумагой «Геркулес». Засыпал полости между кладкой для тепла шлаком — тоже из-за нехватки материала. Углублял фундамент, чтобы тот не треснул из-за температурного перепада. Устраивал тамбуры и дымоотводы. За счет собственного отпуска возил образцы местной глины в Голландию — узнать у друзей-заводчиков, какой кирпич из нее лучше делать. И делал.

Чтобы представить, на каком фоне строился первый и последний конструктивистский поселок в Сибири, процитируем Ван Лохема: «Здесь мы имеем дело с типичной сибирской деревней очень старой закваски... И как только я задумываю построить город для технических специалистов и рабочих, я наталкиваюсь на крестьян, ибо рабочие оказываются крестьянами, которые, может, и будут когда-нибудь иметь тягу к технике, но пока с большим удовольствием продолжают присматривать за своими коровами».

С этими коровами, кстати, в свое время приключилась смешная история. Аиковцы, в большинстве своем те самые «уобли», свято исповедовали коммунальные ценности и поэтому держали всех коров в общем коровнике под присмотром избранных скотников. А молока выдавалось согласно норме каждому одинаково. То же самое они предлагали сделать и своим русским «коллегам» — чтобы освободить время для работы на шахте. Чтобы как-то стимулировать «коллег», решено было выкупить их коров на общие аиковские деньги. Причем по завышенным ценам, чтобы дело шло быстрее. Что сделали русские? Узнав цены, продали коров, на вырученные деньги купили новых, а разницу — прикарманили.

Всего Лохему удалось реализовать в Кемерово проекты одиннадцати типов жилых зданий, что в тех условиях было невероятно

много. Да и по нынешним меркам тоже. К сожалению, большинство оригинальных чертежей, по которым можно было бы восстановить картину, не сохранилось. После изгнания Лохема их перекроили по «рабоче-крестьянским» понятиям, что безнадежно загубило чистоту голландской идеи. Так исчезли заглубленные фундаменты и мансардные этажи, обогревающие квартиры дымоотводы, туалеты и ваннные комнаты, и много чего другого, тщательно и тонко умышленного архитектором.

Правда, лохемовские дома стоят до сих пор — а те, производные, развалились. Но разве это утешение?

Так вышло, что «лохемовский период» в АИКе пришелся на закат колонии. Пожить в новых домах колонисты успели недолго. Да и не для них, а для жителей «города будущего», который рисовался в воображении архитектора, эти дома строились. Для тех, кто придет на смену «мечтателям». Для русских.

Что касается самого АИКа, то после 1925 года с ним происходило то, что и со всей страной — ее национализировали, превращая в громоздкий и неэффективный советский трест. Рутгерса и его людей попросту выживали. Уже строчились уведомления о «нецелесообразном использовании» и «саботаже». Уже назначены были в управление люди, ни бельмеса не смыслившие в производстве, а только умножающие отчетность. Уже новоиспеченный зам Рутгерса, партизан и казнокрад Коробкин, доносил, что «Ванлохен Иван Иванович как архитектор к нашим условиям не подходит, вследствие незнаний наших законоположений об охране труда и требований, предъявленных Союзом». И многое другое в том же духе. И когда я читаю документы того времени, мне все время кажется, что история не закончилась тогда, в 1920-х. А закольцевалась, нашла рифму в нашем времени. Когда на смену мечтаниям 1990-х пришли нулевые, обнулившие лучшие плоды этих мечтаний.

«Если бы не русские бюрократы, вы были бы русскими», — много лет спустя признавался своим детям Лохем. Боюсь, то же самое могут сказать о себе сотни иностранцев, приехавших к нам семьдесят лет спустя. И от этой унылой закономерности, от этой, пусть и неточной, без сталинского геноцида, рифмы на душе становится как-то особенно тоскливо и пусто.

Ван Лохем писал: «Русский хочет действия, но восхищается идеей, которая часто превращается в лозунг. В результате существуют два мира, поочередно преобладая один над другим. Когда преобладал мир действия, то иностранцы принимались с распростертыми объятиями; когда преобладал мир идей, что бы ни делали иностранцы, ничто не устраивало».

Как это нам знакомо, не правда ли.

Но зарифмовалась, по счастью, история и нашего «Иван Иванаыча». Уже после войны, когда в пятидесятых левый берег застроили по регулярному, «ансамблевому» плану. Гений архитектуры не покинул это место, я хочу сказать. Прижился — несмотря на советские кошмары и запреты. Нынешний центр Кемерова, выполненный в неоклассике сталинского ампира, и есть такая рифма. Поражающая строгостью в сочетании с уютом. Удивительно, но архитектура, призванная подавлять, в исполнении местных архитекторов поражает тем, как легко и свободно в ней дышится — как будто в противовес идее, породившей эту архитектуру. Как будто один город, Ван Лохема, зарядил своей летящей аскетикой другой город, нынешний. Который просто переосмыслил Ван Лохема как мог — в рамках времени и стиля, в котором он строился.

Йоханнес Берnardус ван Лохем (1881–1940). В 1909 году открывает архитектурное бюро, по проектам которого было построено около 25 жилых домов, в том числе и знаменитая «бетонная деревня» в Амстердаме. Редактирует архитектурно-художественный журнал «Перемены». Член Союза революционно-социалистической интеллигенции, возглавивший в 1920 году отделение комитета помощи России в Гарлеме. В марте 1926 года занимает должность архитектора при Правлении АИК. В сентябре 1927-го под аккомпанемент советской критики возвращается в Голландию, где создает бюро в Роттердаме, редактирует архитектурный журнал, продолжает экспериментальные поиски в области архитектуры. Пишет книгу «Здания Нового Строительства в Голландии», сыгравшую роль манифеста голландского функционализма.

